

О Л Ъ Г А   Б У Т Е Н К О

НОС

Парфюмер в её голове

Ольга Бутенко

Нос. Парфюмер в её голове

«Автор»

2026

Бутенко О.

Нос. Парфюмер в её голове / О. Бутенко — «Автор», 2026

Пятнадцатилетняя Вера Соколова однажды обнаруживает, что в её голове живёт чужой голос. Он принадлежит Юсуфу ибн Хайрану — знаменитому парфюмеру XIX века, который почти сто лет назад пытался открыть формулу бессмертия. Теперь он не может покинуть её сознание. А она не представляет, как жить с человеком, который знает о запахах больше, чем кто-либо на свете. Так начинается необычная дружба, которая навсегда изменит их обоих. Среди московских дворов, школьных коридоров, старых флаконов и домашних экспериментов Вера постепенно открывает мир, о существовании которого раньше не подозревала. Мир, в котором у каждого воспоминания есть свой запах. И где бессмертие может оказаться совсем не тем, что люди привыкли искать.

© Бутенко О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Последняя формула Юсуфа ибн Хайрана	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ольга Бутенко

Нос. Парфюмер в её голове

Глава первая. Последняя формула Юсуфа ибн Хайрана

Грасс, 1893 год

Мастерская пахнет так, как не пахнет ни одно место в мире. Юсуф ибн Хайран — здесь его сорок лет зовут месье Жозефом, и он давно перестал поправлять — знает каждый из этих запахов поимённо, как пастух знает своих овец. Слева, у восточной стены, стоят абсолюты: жасмин с полей Пласкасье, собранный до рассвета, потому что после рассвета он уже не тот; тубероза, которую он не любит и уважает; роза-центифолия, самая дорогая вода в этом доме.

Справа — смолы, привезённые с другого конца его жизни: ладан, бензой, стиракс и мирра в тёмных комках, каждый из которых он покупал сам, не доверяя закупщикам.

В центре, на рабочем столе, стоит то, чего в этой мастерской быть не должно.

Медная чаша. Круг из соли. Двадцать девять флаконов, расставленных не по алфавиту и не по семействам, а по порядку, который он вывел за последние одиннадцать лет — и который не записан ни на одном листе бумаги, потому что записанное можно прочесть. Юсуфу восемьдесят один год.

Он поднимает руки к свету — старческие руки, в пятнах, с распухшими суставами, — и рассматривает их без всякой жалости. Руки его подвели первыми. Потом подведёт всё остальное. Нос пока держится: последний, самый упрямый орган, который отказывается стареть вместе с телом. Именно поэтому он и делает это сегодня.

Не потому, что боится смерти. Юсуф ибн Хайран видел смерть чаще, чем ему хотелось бы: мать, двух братьев, жену, старшего сына, обоих учителей — восточного и французского, — и половину тех, с кем начинал. Он привык. Смерть — не враг, а самое обыкновенное вещество, и как всякое вещество имеет запах, консистенцию и правила обращения. Он делает это потому, что не успел.

Ему было девять, когда его привели в мастерскую Абу Тахира в качестве младшего подмастерья — мальчика, который моет посуду, таскает воду и сидит на полу, пока взрослые работают. Он мыл посуду шесть лет. Потом ещё четыре года ему разрешали только процеживать. И только на одиннадцатый год Абу Тахир впервые дал ему понюхать амбру и спросил, что он слышит. Он сказал: «Море, которое устало».

Абу Тахир засмеялся и ответил, что это самое глупое и самое точное определение, которое он слышал за тридцать лет.

С тех пор прошло семьдесят два года, и Юсуф до сих пор считает, что всё ещё не понял амбру до конца.

Вот в чём дело. Не в бессмертии. В том, что жизни просто не хватает — на амбру, на уд, на то, чтобы понять, почему одна и та же роза в Кашане и в Грассе пахнет двумя разными существами. Человеку дают семьдесят, восемьдесят лет, из которых первые двадцать он учится держать колбу, а последние двадцать у него дрожат руки. Остаётся сорок. Сорок лет на вещество, которому три тысячи. Это несправедливо, и Юсуф намерен эту несправедливость исправить. Он гасит все лампы, кроме одной.

Формула, которую он собрал, — не совсем парфюм и не совсем ритуал. Она из третьей книги Абу Тахира, той самой, которую учитель велел сжечь и которую Юсуф не сжёг, а спрятал под половицей и вывез из Исфахана в подкладке дорожного сундука. Он читал её сорок лет и понял, кажется, три четверти. Оставшуюся четверть он достроил сам — по запаху, как достраивают недостающую ноту в чужой композиции.

В книге сказано: душа держится в теле не сама по себе, а потому, что тело её узнаёт. Каждое утро тело просыпается и говорит душе — ты моя.

Если сделать так, чтобы тело перестало узнавать, а рядом при этом оказался запах, который душа знает лучше самой себя, — душа перейдёт туда. Юсуф собрал этот запах.

Двадцать девять составляющих. Всё, что было в его жизни главного: жасмин той первой ночи в Пласкасье, когда он понял, что останется во Франции навсегда; мирра из отцовской лавки; амбра Абу Тахира; вода из фонтана в Исфахане, которую он хранит запечатанной сорок лет и от которой давно уже пахнет не водой, а памятью; и двадцать пять других, о которых не знает никто.

Это не духи. Это он сам, разложенный на составляющие и собранный обратно.

Он поджигает уголь в медной чаше и начинает вливать по капле, в том порядке, который вывел. Запах поднимается медленно.

Сначала — верх: цитрус, зелень, что-то острое и молодое, чего в Юсуфе не осталось уже лет пятьдесят. Он вдыхает и вдруг видит себя девятилетним, на полу мастерской, с мокрыми по локоть руками.

Потом — сердце: цветы, смолы, вся его середина жизни разом. Жена в дверях мастерской. Сын, которому он не успел передать. Первый флакон с его собственным именем на этикетке.

Потом приходит база, и вот тут Юсуф понимает, что что-то не так. База должна была держать. Амбра, мускус, дубовый мох — то, что стоит на дне композиции и не даёт ей улететь. Так работает любой парфюм, и так, по книге, должна была работать душа: подняться и осесть обратно, уже свободной от тела. Но дно не держит.

Юсуф чувствует, как его тянет вверх — не метафорически, а буквально, тем самым движением, которым лёгкая нота уходит с бумажной полоски в первые же минуты. Он пытается схватиться за что-нибудь, и не может, потому что хвататься больше нечем: рук у него уже нет. Последнее, что он успевает подумать, не лишено профессионального интереса. Значит, я всё-таки верхняя нота.

А потом мастерская, Грасс, тысяча восемьсот девяносто третий год и восемьдесят один прожитый год — всё это перестаёт существовать одновременно, и Юсуфа ибн Хайрана несёт куда-то со скоростью запаха, у которого больше нет носителя.

* * *

Он приходит в себя от того, что ему в лицо светит квадратное солнце. Это первая мысль — и она настолько глупая, что Юсуф, который за восемьдесят один год ни разу не позволил себе неточной формулировки, некоторое время просто лежит и смотрит на квадрат света, пытаясь понять, где он ошибся.

Солнце не квадратное. Квадратный — источник света. Он висит на стене, гудит и светит белым, и Юсуф не знает ни одного вещества, которое горело бы так ровно и без запаха. Второе, что он замечает: он не может повернуть голову.

Точнее — голова поворачивается, но не тогда, когда он этого хочет. Она поворачивается сама, куда-то влево, и Юсуф с ужасом понимает, что смотрит на предметы, которых не выбирал. Третье приходит вместе с паникой. Он не чувствует запахов.

Совсем — нет. Он чувствует, но так, как чувствовал бы годовалый младенец: сплошную кашу, в которой нет ни одной различимой ноты.

Есть что-то мыльное. Что-то жареное. Что-то химическое, резкое, ни на что не похожее. И ни один из этих запахов он не может назвать — не потому, что не знает, а потому, что нос, которым он сейчас дышит, никогда в жизни не учился. Восемьдесят один год Юсуф ибн Хайран строил свой нос, как строят собор.

А теперь у него чужой. И необученный.

— Ты чего застыла?

Голос раздаётся рядом, и Юсуф не понимает ни слова. Язык не арабский, не персидский и не французский — какой-то четвёртый, тяжёлый, с шипящими.

— Земля вызывает. Задачу будешь списывать или нет?

И тогда тело, в котором он находится, отвечает. Оно отвечает без его участия — открывает рот, произносит что-то раздражённое, тянется рукой к какому-то предмету на столе. Юсуф чувствует каждое из этих движений изнутри и не управляет ни одним, как не управлял бы дыханием спящего рядом человека. Он в чужом теле.

Не вместо кого-то. Вместе с кем-то.

И этот кто-то — судя по руке, которую он сейчас видит краем чужого глаза, тонкой, с обкусанным ногтем и чернильным пятном на большом пальце, — совсем ещё девчонка.

О нет, — думает Юсуф ибн Хайран, восемьдесят один год, мастер-парфюмер города Грасса, автор сорока трёх формул и одной непоправимой ошибки. О нет, нет, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.